

Глава 1

О чём думала старая лошадь дядюшки Буля

«Ни одной травинки...» — думала старая лошадь. Она тащила за собой тележку. На тележке большая дубовая бочка с надписью: «Вода принадлежит Королю».

Под надписью королевский герб: золотое ведро и корона.

Рядом с тележкой шагал дядюшка Буль, продавец воды.

— Эй, кому воды! Ключевой, холодной! — покрикивал дядюшка Буль.

«Какой у моего хозяина пронзительный голос, — подумала лошадь, — и кнут слишком длинный. Мог бы и покороче... Нет, хороший хозяин не мог бы продавать воду. Не мог бы, и всё. Он бы отдавал её даром».

Телега прогромыхала по мосту. Но реки не было. Под мостом торчали сухие пыльные камни.

«Какой же это мост, если под ногами нет воды? — думала лошадь. — Одно название. А ведь старый филин, Ночной Философ, который в темноте прилетает на крышу моей конюшни, мне рассказывал, что раньше здесь текла река и воды было сколько угодно. Только, может быть, он уже спятил с ума от старости? Бедный Ночной Философ...»

Теперь телега катила по кривой улочке. По обе стороны стояли серые от пыли дома.

«Разве это канава? — думала лошадь. — Какая же это канава, если в ней ни травинки? Ей даже стыдно называться канавой. А деревья без листьев? Разве это деревья?»

— Мама, глоточек! — захныкал тощий мальчишка.

— Дядюшка Буль! — окликнула продавца воды бледная женщина. — Налей кружку воды моему сынишке.

— Тпру! — крикнул дядюшка Буль, натягивая вожжи. — А что дашь за это?

— Моток кружев, дядюшка

Буль, — заторопилась женщина, — тонких, как паутинка! Ты же знаешь, какая я мастерица.

Мальчишка одним духом опорожнил кружку, а мать держала раскрытую ладонь под его подбородком, чтобы не упало ни капли.

Лошадь проехала мимо колодца, доверху засыпанного большими булыжниками.

Около колодца, привалясь к нему спиной, сидели два стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила. От скуки плевали: кто дальше.

«Какой же это колодец, если из него нельзя напиться? — подумала лошадь. — Одно название...»

— Как дела? — поинтересовался дядюшка Буль. — Никто не про?..

— Чего — не про?.. — лениво переспросил Рыжий Верзила, приоткрыв один глаз.

— Не пробовал ли кто-нибудь отвалить камни и набрать воды?

— Днём всё тихо, — зевнул во всю пасть Рыжий Громила. — А по ночам около каждого колодца ставят пушку. Попробуй подступись!

— Эй, кому воды! Ключевой, холодной! — снова завопил на всю улицу дядюшка Буль.

Но на его крик никто не вышел из домов. Двери захлопывались, закрывались окна.

«Ни травинки, ни листка. Бедная земля. Мёртвый город. Траву увидишь разве только во сне да за решёткой королевского парка. Как плещется вода в бочке, с ума сойти!»

Вот о чём думала старая лошадь дядюшки Буля.

Глава 2

Лоскутик

— Эй, Мельхиор! — крикнул дядюшка Буль, когда его тележка поравнялась с маленькой лавчонкой. Над дверью лавчонки, на кособокой вывеске, было выведено: «Иголки, булавки, разные острые вещи и всё, что пожелаете».

В дверях показался лавочник. Сразу было видно, что он торгует острыми, жёсткими и колючими вещами. Взгляд у него был колючий. Ресницы как иголки. Брови и усы похожи на жёсткие щётки.

— Говорят, подешевела водичка, — сказал лавочник и хихикнул.

— Пока нет, — грустно ответил дядюшка Буль.

— Так, значит, за одну серебряную монету два ведра? — ещё веселей спросил Мельхиор.

— За две монеты одно ведро, — совсем загрустил дядюшка Буль.

Увидев, что обмануть дядюшку Буля всё равно не удастся, Мельхиор перестал улыбаться и крикнул:

— Эй, Лоскутик, неси ведро!

Из темноты лавки с пустым ведром в руках выскочила девочка. Обыкновенная девочка. Нос — лопаткой, да ещё к тому же густо посыпан веснушками. Глаза — зелёные. Тощие рыжие косицы торчат в разные стороны.

Только вот одета она была необычно.

Всё её платье было сшито из разных лоскутков: больших, маленьких, шерстяных, синих, красных, в полоску.

— Глоточек... — прошептала Лоскутик, уставившись на ведро с водой.

— Ещё чего! — прошипел лавочник.

В этот момент случилось кое-что странное.

Старая лошадь дядюшки Буля, всегда такая унылая и сонная, вдруг резко вскинула голову и заржала.

Мало того, она поднялась на дыбы, насколько позволяли оглобли, и принялась быстро и радостно кивать, как будто с кем-то здоровалась. Но и этого мало. Она в изумлении таращила глаза, махала хвостом, трясла гривой и продолжала ржать, как легкомысленный жеребёнок.

Дядюшка Буль даже пролил немного воды на землю. Это случилось с ним в первый раз с тех пор, как он стал королевским продавцом воды.

Мельхиор покачал головой, взял ведро и понёс в дом.

При этом он делал такие осторожные и бережные шаги, как циркач, который держит на носу шест, а на шесте — поднос, уставленный хрустальными бокалами.

Лоскутик вздохнула и поплелась к себе на чердак.

Это был самый обычный чердак. Мебели там никакой не было: всего только куча соломы в углу.

Лоскутик подняла с полу соломинку и принялась её жевать. И вдруг она что-то увидела на чердачном окне.

Трудно даже сказать, увидела она что-нибудь или нет.

Но если считать, что увидела, то на окне сидела лошадь дядюшки Буля, с трудом взгромоздившись на узкий подоконник.

С другой стороны, можно считать, что девочка вовсе ничего не увидела, потому что лошадь дядюшки Буля, сидевшая на подоконнике, была совсем прозрачной. Такой прозрачной, что её почти что и не было.

— Воды... — жалобно простонала лошадь.

Лоскутик замерла. Она не могла пошевелить и пальцем.

— Я так и знала... — безнадежно проговорила лошадь и в отчаянии махнула хвостом. — Я знала, всё равно воды не будет. Вместо воды будет открытый рот и глупый вид.

Лоскутик с изумлением увидела, что хвост у лошади исчез. Исчезли и задние ноги.

— Вы... кто? — пролепетала Лоскутик.

Лошадь мягко качнула гривой. Живот её стал совсем прозрачным.

— Я так и знала... — сказала лошадь, с упрёком глядя на Лоскутика, — я знала: когда я буду погибать, мне будут задавать вопросы. Вместо воды — одни вопросы...

Голос её слабел. Лоскутик увидела, что её передние ноги, длинная шея и грива исчезают прямо на глазах.

— Воды... — прошептали лошадиные губы и пропали.

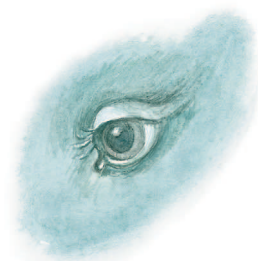
Лоскутик скатилась вниз по лестнице.

Из спальни хозяев слышался дружный храп. Лавочник храпел, как медведь в берлоге, лавочница попискивала, как суслик из норки.

Чтобы быть честным до конца, надо сказать, что Лоскутик задумалась и больно укусила себя за палец, глядя на ведро с водой. Никогда прежде она не осмеливалась сделать и шага к нему без спросу.

Но уже через минуту Лоскутик, задыхаясь, как могла быстро поднималась по лестнице, и вода выплёскивалась из ведра, текла по её голым ногам.

Нисколько не сомневаюсь, мой читатель, что, если бы ты очутился на месте Лоскутика и это у тебя на подоконнике сидела бы грустная прозрачная

лошадь и просила напиться, ты бы поступил точно так же.

Лоскутик толкнула дверь коленкой.

На подоконнике никого не было. Прозрачная лошадь исчезла.

Никогда чердак не казался ей таким пустым. Лоскутик стиснула зубы, сжала кулаки, чтоб не зареветь. Всё сразу стало серым, скучным. Лоскутик села на кучу соломы, но тут же вскочила.

Она увидела, что над подоконником плавает один-единственный прозрачный и очень печальный лошадиный глаз.

Видимо, глаз увидел ведро. Он раскрылся пошире, мигнул, в нём сверкнула радость. Покачиваясь, он подплыл к ведру и нырнул прямо в воду.

Ведро как будто ожило. Оттуда послышалось бульканье, бормотание и очень довольное кряхтение. Через минуту из ведра показалась белая, лёгкая, будто вылепленная из мыльной пены, голова.

Лоскутик разглядела нос лопаткой, широко расставленные глаза, косички, торчащие в разные стороны. Две белых руки упёрлись в края ведра. Человечек крякнул, поднатужился и сел на край ведра. Натянул белый рваный подол на коленки.

Он кого-то напоминал Лоскутику.

Кого-то очень знакомого. Но кого? Лоскутик никак не могла сообразить.

Лоскутик заглянула в ведро.

«Пустое! — изумилась Лоскутик. — Ни капли не осталось. Даже дно сухое...»

— Когда-нибудь испарялась? — задумчиво спросил белый человечек.

— Н-нет... — шепнула Лоскутик.

И вдруг белый человечек дёрнул себя за ухо и плавно взлетел кверху.

Он для этого ничего не делал: не махал руками, даже не шевелил пальцами босых ног. Просто летел себе — и всё.

Когда он пролетал над Лоскутиком, лицо её осыпали мелкие капли воды.

— Поняла? — спросил он.

— Не очень, — сказала Лоскутик, которая на самом деле ничего не поняла.

— Облако я, — просто сказал человечек, — обыкновенное Облако.

Глава 3

Белый лев на подоконнике

Стемнело. Из-за черепичной крыши вылез месяц — острые рожки.

Облако сидело на подоконнике, свесив ноги. Месяц сквозь него светил мутно. Таял, как кусок масла в манной каше.

— Ну, поколотят... — бодрилась Лоскутик, поглядывая на пустое ведро. — Тебе сколько лет? — спросила она у Облака.

— Не лет, а дождей, — поправило её Облако. — Миллион семьсот тысяч шестьдесят три дождя.

— Дождя? — удивилась Лоскутик. — Что это... дождь?

— Не знаешь? — в свою очередь удивилось Облако. — Самое лучшее, а не знаешь. Это когда с неба течёт вода.

— С неба?!

— Ну да.

— Просто так? Не за деньги? — недоверчиво спросила Лоскутик.

— Ага.

— Так не бывает.

— Ещё как бывает. Когда мне исполнилось сто дождей, ого какой бабка устроила мне ливень! Проснулось, а под подушкой что, думаешь? Молния. Это мне бабка подарила.

Каждое облако больше всего мечтает, чтоб ему молнию подарили. А моя бабка — старая Грозовая Туча.

— Грозовая Туча? Ливень? — Лоскутик уже устала удивляться.

— Грозовая Туча — это большое облако, с громом и молниями. Ого! Огреет — не обрадуешься. Весь день будешь летать с рыжими синяками. А ливень — это большущий дождь и непременно чтоб пузыри по лужам.

— Пузыри по лужам... — зажмурилась Лоскутик.

— Прыгают... — Облако даже проглотило слюну.

— У нас так не бывает, — печально сказала Лоскутик.

— Раньше бывало. Какая у вас река была! Добрая, ласковая. Текла через весь город. А ручьи? Славные ребята. Только ничего по секрету им не скажешь. Всё разболтают. А какое болото у вас было! Умное. Всё о чём-то думало. Бывало, всё вздыхает, вздыхает по ночам...

— А куда же всё подевалось?

— Не знаю. И никто не знает. Даже моя бабка, Грозовая Туча, и та только руками разводит. Говорит: «Ничего не понимаю!» Представляешь: река вдруг пересохла ни с того ни с сего. Ручьи пропали. От болота не осталось и мокрого места. Теперь у вас что? Пустыня.

— А королевские сады?

— Так пока туда долетишь, испаришься. А думаешь, это приятно — испаряться? Нет, теперь в ваше королевство не заманишь ни одно порядочное облако.

— А ты?

— Я — другое дело. — Облако придвинулось к Лоскутику: — В королевском саду живёт мой друг — старая жаба Розитта. Ты бы видела, какая красавица! А уж умница!

— Твой друг... — тихо повторила Лоскутик.

— Думаешь, бабка мне разрешила сюда лететь? Как же! Разгрелась вовсю: «И не думай! Там небо как сковородка. Ты что — облако или отбивная?» А я взяло да улетело потихоньку. Мне так хотелось повидать жабу Розитту... — Глаза Облака почему-то наполнились слезами. — Я старалось не глядеть на мёртвые деревья...

Облако закрыло лицо ладошками. Слёзы выдавились между пальцев. Тук-тук-тук! Забарабанили по подоконнику.

— Я напоило семьдесят пять бездомных собак. Двадцать восемь котов и кошек. — Облако плакало всё сильнее.

Со стоном раскачивалось. Даже с острых косичек закапали слёзы. Оно всё как-то съёжилось, побледнело. — Напоило старую козу, четырёх ворон и кар... кар... кар... картофельное поле... Я выплакало из себя всю воду. Во мне не осталось ни капли...

— Капает! Капает! Капает! — раздался снизу истошный вопль лавочницы.

Только тут Лоскутик заметила, что дырявый, разошедшийся пол чердака весь залит водой.

Две пары ног бешено затопали вверх по лестнице. Бедные старые ступеньки, каждая на свой голос, заохали и застонали.

— Это девчонка! Её надо пс-с!.. Фс-с!.. Кс-с!.. — давилась от злобы лавочница.

— Я её хр-р!.. Вж-ж!.. Пш-ш!.. — хрипел Мельхиор.

— Улетай! — отчаянно прошептала Лоскутик, пятясь от двери. — Скорей улетай!

Дверь распахнулась. Лавочник и лавочница застряли в узких дверях.

Луна осветила их. Чёрные рты, руки с хищно растопыренными пальцами.

В конце концов лавочница потеснилась назад, и Мельхиор влетел на чердак. Он сделал несколько яростных шагов к Лоскутику и вдруг замер на месте.

— А-а! — в ужасе завопил он, приседая, сгибая колени.

Он глядел не на Лоскутика. Куда-то мимо неё.

Лоскутик невольно оглянулась.

На подоконнике скромно и благовоспитанно, не обращая ни на кого внимания, сидел великолепный белый лев. Он наклонил голову и белым языком аккуратно вылизывал тяжёлую лапу. Ночной ветерок осторожно играл его густой гривой. Лев лениво зевнул, месяц посеребрил кривые клыки. Небольшая молния вылетела из его пасти и стрельнула в пустое ведро.

Худые коленки лавочницы застучали одна о другую, как деревянные ложки.

Лавочник и лавочница ринулись к двери.

Затрещала несчастная лестница, бухнула внизу дверь, заскрежетал засов, и всё стихло.

Лев на окне глубоко вздохнул.

— Я так и знал, что всё кончится очень плохо, — задумчиво сказал он, глядя в окно на месяц. — Но я этого не хотел. Это всё потому, что люди устроены иначе, чем мы, облака. Вам почему-то обязательно надо, чтобы была крыша над головой. А если крыша дырявая и сквозь неё видны звёзды,

вы не успокойтесь, пока не заделаете все дыры до одной... — Лев грустно опустил голову. — А теперь у тебя нет крыши над головой. Твои хозяева сживут тебя со свету. Они начнут тебя поджаривать, устроят тебе хорошенькую пустыню... Ты можешь тихо спуститься по лестнице?

Лоскутик кивнула.

— Я вылечу в окно, — сказал лев, — и буду ждать тебя за углом.

Глава 4

Барбацуца

Вэтот вечер в королевской кухне царила небывалая, невообразимая суматоха.

Без толку сновали повара в белых колпаках больше их самих. От их колпаков по стенам металась тень, похожие на гигантские грибы.

В углу всхлипывали и сморкались в кружева пять придворных дам. Главный повар, человек по натуре очень нервный, капал из склянки в рюмочку успокоительные капли.

— Когда я так нервничаю, у меня получаются очень нервные супы и взволнованные компоты, — жаловался он сам себе.

Маленький поварёнок толкнул его под локоть. Лекарство взлетело вверх из рюмки.

Главный повар хлопнул поварёнка по его огромному колпаку. Звук получился как от разорвавшейся хлопушки.

Оглушённый поварёнок, моргая, сел на пол.

На кухню один за другим вбегали слуги с золотыми блюдами. Они сообщали ужасные новости:

— Его величество швырнули пирожки прямо в бульон!

— Ничего подобного! Он вылил бульон прямо в блюдо с пирожками!

В довершение всего на кухню ввалилась снежная баба, если только на свете может быть снежная баба, от которой клубами валит горячий пар. Говоря попросту, это был слуга, весь, с головы до ног, облепленный манной кашей.

— Комочки... — сквозь манную кашу, забившую ему рот, еле выговорил слуга.

— Комочки?! — бледнея, повторил главный повар. — Как? Что? Не может быть!

— Я-то при чём? — всхлипнул слуга. С его растопыренных рук пластами съезжала манная каша и с приятным звуком шлёпалась на пол. — Я подал её. Его величество изволили даже улыбнуться...

— Улыбнуться?! Тебе?!

— Не мне, а каше. Они изволили отправить в рот одну ложку и вдруг как завопят: «Комочки!..» Потом они начали икать, стонать, плевать, вопить и топтать ногами. А потом... — Снежная баба развела руками, указывая на себя.

— Кто варил кашу?

Пять придворных дам засморкались ещё жалобней.

— Где Барбацуца?

— За ней послали девяносто семь голубей, карету, пятерых стражников верхом и капитана.

Вбежал перепуганный слуга:

— Его величество требуют манную кашу. Сейчас же! Немедленно!

Вбежал ещё один слуга:

— Его величество стучат ложкой по столу!

Главный повар опёрся рукой о плиту и тут же завертелся волчком, хватаясь обожжёнными пальцами за мочку уха.

— Нельзя меня так нервировать! Мои соусы и подливки! Мои пирожные! Им передаётся моё настроение!

— Едут! Едут! — заверещал поварёнок, подскакивая около окна.

По мосту, изогнутому, как спина испуганной кошки, катила карета.

— Её любимую кастрюлю с помятым боком! Её старую поварёшку!

Через минуту двери распахнулись, и в кухню со скоростью летящего снаряда ворвалась Барбацуца.

Все как-то сразу стали пониже ростом, потому что у всех невольно подогнулись колени.

Барбацуца была тощая, длинная старуха. Один глаз у неё был закрыт чёрной повязкой, что делало её удивительно похожей на морского разбойника. В другом глазу полыхало поистине адское пламя, отчего она сразу становилась похожей на ведьму.

Остальное было не лучше. Длинный нос криво оседали разбитые очки с закинутой за одно ухо петлёй из бечёвки.

Из-под чепца торчали пучки волос, напоминающие перья седой вороны.

Одета старуха была в старый домашний халат, на ногах стоптанные шлёпанцы.

— Лентяйки! Бездельницы! Белоручки!

Придворные дамы разом уткнулись носами в коленки.

Только мелко дрожали лопатки.

— Молоко! — рявкнула Барбацуца. Она опрокинула кувшин с молоком над кастрюлей, щедро поливая молоком раскалённую плиту.

— Соль! Сахар! Крупу! — послышалось из клубов молочного пара.

Всё это Барбацуца тут же, не глядя, бухнула в кастрюлю.

— Дровишек!

Загудело пламя.

Барбацуца взгромоздилась на табуретку. В клубах белого пара мелькнули её локти, зелёные, как незрелые бананы. Барбацуца повыше засучила рукава и старой поварёшкой принялась размешивать кашу.

Пузыри вздувались и оглушительно лопались, как будто в кастрюле началась война. Летела к потолку копоть и чёрными бабочками валилась в кашу.

— Готово, — прошамкала Барбацуца.

Двое слуг с благоговением наклонили кастрюлю. На золотое блюдо потекла манная каша: белая, пышная, как взбитые сливки.

Маленький поварёнок подцепил пальцем повисшую на кастрюле каплю, лизнул палец и зажмурился.

Слуга поднял блюдо над головой и вышел торжественным шагом.

— Дорогая Барбацуца! — растроганно сказал главный повар. — Вы знаете, манная каша — самое любимое блюдо нашего короля. А манная каша, которую варите вы, божественна, бесподобна. Вероятно, вы знаете секрет, как её варить.

— Надоело... — мрачно проворчала Барбацуца, глядя вниз и шевеля пальцами, вылезшими из драной туфли.

— Как — надоело? — изумился и испугался главный повар.

— Я тоже человек... всю жизнь — манная каша. Без выходных. Надоело.

— Дорогая Барбацуца, я начинаю волноваться... — с дрожью в голосе сказал главный повар.

— А кто обещал мне помощниц?

— Но... — Главный повар беспомощно указал на придворных дам, уткнувшихся в носовые платки. Можно было подумать, что носовые платки просто приросли к их носам.

— Эти?! — взвизгнула Барбацуца. — Манную кашу надо хорошенько мешать, размешивать, перемешивать. Вот и весь секрет. А моя поварёшка, видите ли, слишком тяжела для их нежных ручек. Нет, клянусь последней коровой на этом свете, последней каплей молока, я возьму себе в помощницы первую попавшуюся нищенку, побирушку, оборвашку! Только не этих лентяек! Уф! Да тут задохнуться можно!..

Барбацуца по пояс высунулась из окна.

Над королевским садом в пустом небе висел месяц, острый и жёлтый.

Прямо под окном на дорожке, посыпанной мелким песком, сидела большущая жаба. Она была похожа на старый потёртый кожаный кошель.

Кожа складками сползала на короткие лапы. В лунном свете, как изумруды, сверкали её бородавки.

Вокруг неё чинно сидели шесть лягушат. Их молодые туго натянутые шкурки блестели.

Старая жаба строго и задумчиво посмотрела на Барбацуцу глазом выпуклым, как стекло фонаря. В горле у неё забулькало.

«Или я выжила из ума и из меня пора засушить сухарей, — подумала Барбацуца, — или эта жаба всё понимает. Давно не видела такой умной физиономии...»

Жаба что-то скрипнула и уползла в шёлковую от росы траву. Лягушата — за ней.

Когда золочёная карета довезла Барбацуцу до её крепкого деревянного дома с голубятней на крыше, городские часы отбили полночь.

Барбацуца увидела около крыльца какую-то скорчившуюся фигурку.

Она разглядела тощую девчонку в тряпье. В широко открытых глазах девчонки повис месяц.

А Лоскутик, потому что это была именно она, увидела страшную одноглазую старуху.

На голове у старухи дыбом торчал чепец, твёрдый, как коробка из-под торта.

— Вам не нужна служанка? — чуть слышно прошептала Лоскутик.

— Ты бы лучше спросила, не нужна ли мне воровка? — закричала Барбацуца таким страшным голосом, что в окнах соседних домов зашатались огоньки свечей. Барбацуца вытащила Лоскутика из-под крыльца.

— Я не воровка! — вскрикнула Лоскутик, стараясь вырваться из цепких рук Барбацуцы.

— Ах, не воровка! — захохотала Барбацуца. — Шатаешься по ночам около чужого дома — раз! — Барбацуца

загнула кривой тощий палец. — Глаза горят — два! — Барбацуца загнула второй палец. — Живот так и распевает песни от голода — три! Хочешь удрать — четыре! Чего же ещё? Ясно, воровка!

Барбацуца, держа Лоскутика за руку, втащила в дом. Швырнула её на лавку. С грохотом придвинула тяжёлый стол, так что он врезался Лоскутику в живот и припёр к стене.

Затем Барбацуца выхватила из печки целиком зажаренного гуся и шлёпнула его на блюдо, стоящее перед Лоскутиком:

— Ешь!

Налила кружку воды, с маху поставила на стол, расплескав половину:

— Пей!

За окном раздался еле слышный вздох облегчения.

Барбацуца подскочила к окну.

Она увидела что-то белое и туманное, прилипшее к стеклу.

— Это ещё кто тут? — рявкнула Барбацуца. — А палки не хочешь?

Но белое и туманное поморгало выпуклыми глазищами, тихо отлетело от окна и исчезло в темноте.

Глава 5

Жаба Розитта

Тебе, мой дорогой читатель, наверно, совершенно непонятно, как это Лоскутик в такой поздний час очутилась под крыльцом Барбацуцы? И откуда она могла узнать, что Барбацуце нужна служанка?

Но наберись терпения, мой читатель! Мы с тобой немало забежали вперёд, и поэтому теперь нам надо вернуться немного назад.

Если ты помнишь, насмерть перепуганные лавочник и лавочница убежали с чердака. После этого Облако спросило Лоскутика, может ли она тихонько спуститься по лестнице. А само вылетело в окно.

Так вот что было дальше.

Лоскутик на цыпочках неслышно спустилась вниз.

Впрочем, она могла бы топтать, как слон, и танцевать дикий танец на каждой ступеньке. Лавочник и лавочница, заперев дверь на все замки и засовы, залезли под

кровать и так тряслись от страха, что подушки и одеяла решили, что началось землетрясение.

Итак, Лоскутик благополучно вышла из дома. За углом она увидела белого льва. Лунный луч проходил через Облако, и в животе у него плясали мелкие капли воды.

— А вещи, пожитки? — спросило Облако.

— Нету. — Лоскутик с виноватым видом развела руками.

— Хорошо, — одобрительно сказала Облако. — И у меня никаких вещей. Не понимаю я людей! Отправляются в путь — тащат на себе какие-то узлы, сундуки. Плетутся, уткнувшись носом в землю, ничего не видят кругом... Путешествовать надо налегке. — Облако мягко подпрыгнуло. — Ты знаешь, как пройти к королевским садам?

— Кто же этого не знает?

Они пошли по дороге.

Белый лев шёл медленно. Пожалуй, четырёх лап для него было слишком много. Непослушные белые лапы то и дело обматывались одна вокруг другой, иногда даже завязывались узлом.

— Я, пожалуй, полечу. Ходок я не из лучших.

Облако упруго, как на пружинах, подпрыгнуло и поплыло рядом с Лоскутиком.

— Я бы сейчас выпило полфонтанчика, — мечтательно вздохнуло Облако. — А почему тебя зовут Лоскутик? Глупое имя.

— За моё платье, — тихо сказала Лоскутик, не глядя на Облако. — Я собираю лоскутья и подшиваю их к подолу и рукавам. Я же не виновата, что мои руки и ноги почему-то всё время растут.

— А о чём думают твои папа и мама, которых всегда полно у вас, у людей?

— Они давно умерли. Я их даже не помню.

— Но маленькие люди не живут одни. С кем ты жила?

— Не «с кем», а «у кого», — сказала Лоскутик. — Я жила у чужих людей. Когда я была совсем маленькая и умела только ползать по полу, меня взяла к себе торговка пуховыми перинами. Она набивала пухом перины и подушки.

Пух летел во все стороны, а я ползала по полу и собирала его. Когда я немного подросла и уже научилась ходить, меня взял к себе богатый мельник. Весь дом у него был засыпан мучной пылью. Я вытирала пыль с утра до ночи. Когда я ещё подросла, я попала к торговке жареной печёнкой. Целые дни я тёрла песком жирные сковородки. Но торговка выгнала меня. Она сказала, что я стащила кусок печёнки. А на самом деле печёнку украд её сынишка — обманщик и обжора. Тогда меня взял к себе жадный трактирщик. Я прислуживала его гостям и носила тяжёлые кружки с вином. Но однажды я уронила кружку и разбила. И тогда трактирщик...

— О!.. О!.. — услышала Лоскутик позади себя.

Она оглянулась. Облако сидело в пыли, прямо на дороге, маленькое, сморщенное, и обливалось слезами.

— Я так и знало, что всё кончится очень плохо, — тряслось оно в лунном свете. — Зачем, зачем ты мне это рассказала? Чтобы я выплакало из себя последнюю воду? Да?

Лоскутик осторожно, обеими руками подняла Облако.

Оно было легче пёрышка. Ещё дёргая носом и горько всхлипывая, Облако обмоталось вокруг её шеи. У Лоскутика по спине, между лопатками, потекли струйки воды.

Теперь Лоскутик шла медленно, часто спотыкаясь. Она плохо видела. Облако наполнило ей на глаза.

Что-то стучало возле её левого уха.

«Его сердце...» — подумала Лоскутик.

Они прошли через площадь Одинокой Коровы. Было тихо. Только в лавке Великого Часовщика в такт мелодично тикали все часы — большие и маленькие, чтобы убаюкать старого мастера.

Чем ближе они подходили к королевскому парку, тем выше становились дома по обе стороны улицы.

Дома были с балконами, башенками и флюгерами.

В некоторых окнах даже виднелись горшки с цветами.

Это были дома богачей.

В этом городе так и определяли богатство: сколько горшков с цветами стояло на окнах.

В этом городе говорили:

«Вы слышали, моя дочь выходит замуж за очень богатого человека... Вот счастье привалило! Вы только подумайте, у него семь горшков с цветами!»

«Главный тюремщик всё богатеет, у него уже одиннадцать горшков с розами!»

«Этот чудак, старый мастер зонтиков, вконец разорился. Вчера у него завяла последняя маргаритка. Бедняга, ему не на что было купить воды, чтобы её полить...»

